

все дакийские племена, что вне границ провинции оставались «свободные даки», постоянно совершавшие нападения на римские владения.

Следуя своей концепции о полной романизации провинции, автор не заостряет вопроса о влиянии туземной культуры на общий характер культуры провинции Дакии, и в частности на живучесть местных религиозных верований, так ярко проявившихся в появлении культа дунайского всадника. Автор уделяет этому культу незаслуженно мало внимания.

В разделе, посвященном внутренней организации провинции (стр. 126—129), автор не подчеркивает, что римское государство играло роль вампира, высасывавшего сырьевые ресурсы провинции. Содержание огромного количества войск лежало тяжелым бременем на плечах местного населения. Римляне широко развернули эксплуатацию залежей драгоценных металлов и железа. Цветущая жизнь городов, развитие в них ремесла, строительство дорог — все это служило прежде всего интересам римлян и римского войска и проходило за счет туземного сельского населения.

В разделе «История Дакии после Северов» (стр. 165—188) автор говорит о расцвете экономической жизни городов, об их украшении, строительстве дорог и начале чеканки местной провинциальной монеты. Автор стремится доказать неправильность сведений Евтропия, Аврелия Виктора, Феста и Иордана о том, что Дакия была оставлена римлянами при Галлиене. Он только вскользь говорит о глубоком экономическом кризисе, который охватил всю Римскую империю в III в. н. э. (стр. 174), привел к ослаблению римского государства и сделал его неспособным сохранить старые границы. В этом игнорировании глубоких социальных и экономических причин исторических событий снова сказывается методологическая слабость и ограниченность автора.

Что касается даты оставления Дакии римлянами, то по этому вопросу существует несколько точек зрения. Дайковичу считает, что Дакия была оставлена римлянами в первые годы правления Аврелиана, и в подтверждение этого приводит очень убедительные новые, добытые археологией, данные (стр. 173).

Книга румынского ученого отличается большим количеством приведенного в ней материала и разнообразием затронутых проблем, главной из которых является проблема происхождения гето-дакийского населения и его сохранения вплоть до средневековья. Несмотря на то, что автору в этом вопросе удалось стать на правильный путь объяснения процесса сложения народности из множества различных племен и народов, смешивающихся и взаимно влияющих друг на друга, он не смог последовательно и правильно разрешить его. Ошибки методологического характера помешали также автору дать правильную картину социального и экономического развития населения в различные эпохи его существования.

Только преодолев эти методологические пороки и овладев методом исторического материализма, румынские археологи и историки смогут дать правильное решение проблемы происхождения румынского народа и его исторической роли. Перед румынскими учеными открылись теперь широкие возможности для плодотворной научной работы.

И. Кругликова

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Писать работы по истории древнего Рима в США начали сравнительно недавно, но с 30-х гг. эта тема начинает привлекать там все больше внимания. О Риме пишут не только специалисты-историки и журналисты, но и писатели. Пишут общие популярные книги и специальные исследования. Одни из них претендуют на научность, другие ставят себе цель преподнести современному американцу бойкие фельетоны на темы римской истории, приспо-

соблюдая их к вкусам и пониманию читателей бульварных газет и дешевых детективных романов. Однако между теми и другими нет резкой грани. По идеям, методам и даже стилю их нередко невозможно бывает различить.

Некоторые американские историки исходят из общего положения об «облагораживающем влиянии», которое оказывает знакомство с античностью. По их мнению, изучение классических языков и авторов «прививает человеку «здравые суждения», которые не дают ему воспринимать различные новые доктрины и вдохновляются «идеями прогресса во что бы то ни стало». Из других наук молодежь черпает разные «лженаучные» теории о дарвинизме и капитализме, они порождают материализм, который ведет к «варварству и хаосу». Только изучение античных философов и поэтов наряду с постоянным чтением библии может сделать из молодого американца нравственного человека¹. Эти рассуждения в значительной мере напоминают нам одну хорошо знакомую сцену: на званом обеде у Облонских идет спор о преимуществе классического образования. Крайнюю позицию занимает Каренин: «нельзя отрицать, — говорит он, — что влияние классических писателей в высшей степени нравственно, тогда как, к несчастью, с преподаванием естественных наук соединяются те вредные и ложные учения, которые составляют язву нашего времени»... «в этих пилюлях классического образования лежит целебная сила антиингилизма», — подводит итог разговору Кознышев². С тех пор прошло 75 лет, но, очевидно, «наследники мировой культуры» читали «Анну Каренину» только в сокращенном переложении и потому уверены, что честь изобретения «антиингилистических пилюль» принадлежит им. В основном «ученые» этого направления влияют на «разработку» культурной истории Рима.

Другая, более многочисленная группа, посвятившая свое внимание главным образом политической и социальной истории, видит цель ее изучения в извлечении уроков для современности. Чувствуя глубокий кризис буржуазного общества, но не понимая ни его причин, ни его безысходности в рамках капиталистического строя, сохранить который они хотели бы любыми способами, они лихорадочно ищут в достижениях и ошибках древних римлян аналогий и примеров, советов и лекарств для окружающей их действительности.

Если в XIX в. ведущие буржуазные исторические школы отрицали законы истории и видели свою задачу лишь в изучении и описании своеобразных, индивидуальных явлений, то современными американскими историками как будто руководит пессимистический принцип Марка Аврелия — не надеяться увидеть что-либо новое, так как все, что есть, было уже в Риме и еще гораздо ранее, в самые отдаленные века.

Явления и события, главные и второстепенные, великие и малые, вызывают в них стремление подыскать им аналогии, иногда смешные, часто пошлые. Сравнивается современная пресса и «Acta diurna», бракоразводные процессы американок и римлянок, предвыборные кампании в США и во времена Цицерона, тяжеловооруженные солдаты Энея и танки, тактика Фабиуса Максима Кунктатора и борьба советских партизан с немецкими захватчиками³. Появляются книги под такими заголовками, как «Современные проблемы в древнем Риме» или «Новый курс в древнем Риме. Как правительство в древнем мире пыталось решать современные проблемы»⁴. Почти каждая работа по истории Рима снабжена соответственным предисловием. Например: «История Рима — это наша история, его борьба с варварством внешним и внутренним — наша борьба; те же гражд-

¹ См. статьи в «Classical Journal»: Taylor, The classics in a hostile World, 1944, № 1, стр. 4—9; Chamberlin, Classic or chaos, 1945, № 6, стр. 321—330; Steinlauf, What is american history, там же, стр. 7.

² Л. Н. Толстой, Собр. соч., 1913, т. IX, стр. 394—395.

³ См. статьи в «Classical Journal»: Sollmann, Electioneering then and now, 1948, № 3, стр. 189—194; Alexander, War in the Aeneid, 1945, № 5, стр. 261—273; Clausen, The scorched earth policy ancient and modern, 1945, № 1, стр. 298—299.

⁴ Marsh, Modern Problems in ancient World, 1943; Haskell, The new deal in old Rome..., 1939, 2-е изд., 1947.

данские войны поглощают нас, также и нашей задачей остается борьба за свободу личности против деспотического государства»¹.

В соответствии с этим американские историки уделяют основное внимание времени падения республики и перехода от принципата, к доминату. Эти два кульминационных кризиса римского рабовладельческого общества кажутся им наиболее подходящими для проведения аналогий с положением современного капиталистического общества.

Случайные, внешние моменты сходства отдельных явлений, которые они выдергивают, руководствуясь собственными политическими симпатиями и антипатиями, совершенно затемняют для них истинные движущие силы исторического процесса. В этом плане характернее всего отрицание роли классовой борьбы в истории Рима и влияния экономики на социальную и политическую историю.

Самый значительный и, пожалуй, один из самых реакционных американских историков Теней Франк, хотя он и является соавтором и редактором пятитомного труда по экономической истории древнего Рима, пишет: «В Риме промышленность не играла такой роли в делах государства, чтобы можно было достаточно обоснованно искать «экономической интерпретации» политических событий. Сенаторы не были «капитанами индустрии», и ею очень мало занимались всадники. Она была в руках провинциальных предпринимателей, мелких ремесленников, людей, голос которых не доходил до правительства. Поэтому мы опускаем экономические факторы в развитии Рима»². В этом сказывается неспособность понять историческую формацию, отличную от капитализма, такую, в которой основой экономических и социальных отношений являлась не промышленность, а сельское хозяйство, где господствующим классом были не капиталисты, а крупные землевладельцы и рабовладельцы.

Другие историки, не высказываясь так определенно, просто игнорируют в своих работах экономические и социальные факторы или не отводят им должного места, обращаясь для объяснения событий политической истории к случайным моментам, злой и доброй воле отдельных исторических личностей. Но почти все сходятся в одном — в утверждении, что все бедствия, обрушившиеся на Рим, произошли, в конце концов, от вырождения истинных италиков и от притока в Рим жителей Востока, которых привозили сюда в качестве рабов, а затем отпускали на свободу и тем неосторожно делали составной частью римского плебса. Почему пала римская республика и погибла римская демократия, что предпринять, чтобы такое же «несчастье» не постигло и американскую демократию? — спрашивают они. Большинство с различными вариантами дает тот же стереотипный ответ: римскую демократию создали свободные и независимые римские «фермеры», исполненные духа здорового консерватизма, как и фермеры американские. Но с ростом городов и латифундий увеличился ввоз иноплеменных рабов. Они вытеснили «фермеров» с их земель, они ответственны за то, что городская жизнь с ее даровыми зрелищами и даровым хлебом стала более привлекательна для италиков, «пасынки, а не сыны Италии», не чувствовали ответственности перед государством, не дорожили «римским духом», не хотели ни работать, ни идти в армию, защищать новое отечество. Проникая в ряды высших классов, они постепенно развратили и этих носителей «римской традиции», которые стали равнодушны к своей боде и легко променяли ее на выгоды, которые извлекали из установления империи. Эти же азиатские отпущенники, не дорожившие римской свободой, стали самой «необужденной частью» римской «черни». Это на них опирались «политические гангстеры», данной частью» римской «черни». Это на них опирались «политические гангстеры», вроде Сатурнина, Мария, Катилины, Клодия. Когда Марий ввел этот «пролетариат» в армию, она стала «сборищем насильников, готовых идти за любым авантюристом».

¹ D u r a n t, Caesar and Christ, 1944, предисловие.

² A history of Rome, 1934, 2-е изд., 1942, стр. 224; см. его же, Some aspects of social behaviour in ancient Rome, 1932; H e a t o n, Mob violence in the late Roman republic, 1939; S a l m o n, A History of the Roman World from 30 b. C. to a. D. 138, 1944.

Во всем этом ревнители американской «демократии», проникнутые ненавистью и страхом к пролетариату и пролетарской революции, с твердолобым упорством презирающие всех «не истинных» американцев, усматривают много сходства с современностью. В чем же был выход для римлян и в чем должны его искать американцы (т. е. господствующие классы Рима и США)? Одни считают, что Рим избежал бы империи, если бы победили Гракхи, которые, «подобно Гуверу, считали, что земледелие не хозяйственная проблема, но образ жизни». Пусть же, мол, современные американцы обдумают и взвешают этот урок, пусть откажутся от соблазнов большого города и вернутся на свои фермы. Другие, напротив, обвиняют Гракхов в том, что своими проектами нераспределения богатств они «нарушили равновесие в обществе и развязали социальные конфликты». Не идеалист Тиберий Гракх нужен был для «распустившегося народа», а Сулла, поставивший «чернь» под контроль жестокой, но необходимой власти¹.

Однако в древности и Гракхи и Сулла потерпели неудачу. Возможно, что и в современности пролетариат не вернется на фермы, и высшие классы не проявят «доброй воли» поделиться своим имуществом с низшими и тем избежать крайностей. К этому, по крайней мере, призывает их редактор газеты «Kansas city star» Хаскелл, который пытается воздействовать на них примерами из римской истории. Какой же выход оставался все-таки у римлян и остается, повидимому, у «капитанов индустрии», охраняющих святость «демократии»? Ответ на этот вопрос дается хотя и в разных формах, но достаточно единодушно — Август.

Республика в Риме пала из-за ее неспособности решить экономические и политические проблемы, вызванные войной, — пишут Хаскелл и Марш. По мнению первого, это толкнуло государство на пагубный путь вмешательства в экономическую жизнь страны и стеснения частной инициативы, что пытался сделать и Рузвельт; по мнению второго, причина была более частная — сенат не сумел должным образом демобилизовать армию, не наделил земель солдат Помпея и этим толкнул их на «пагубный союз с Цезарем».

Конечно, падение республики было злом, но это зло в значительной мере умерялось или даже становилось благом благодаря приходу к власти Августа. И его стройным хором превозносят на все лады, наделяя чертами, которые авторы желали бы видеть в главе правительства. Конечно, наиболее откровенно высказывается тот, кто хвалит его за умение «усмирить низшие классы» (Heaton), другие менее откровенны, но смысл их похвал достаточно прозрачен. Франк называет его «сверхчеловеком» и в полном противоречии с источниками объявляет его неповинным в «ужасе проскрипций», инициатором которых был будто бы «негодяй Антоний». По его мнению, Август создал наиболее «целесообразное государство», возродив последний раз республику. Другие превозносят его «буржуазный консерватизм», который он унаследовал у своего «буржуазного отца». Благодаря этому он сумел создать стабильное государство и внушить доверие «простым людям Италии». Не только Италия, но и провинции «со следами радости приветствовали укрепление его власти. Его реформа провинциального управления была подобна замене Ост-Индской компании гражданским управлением Индии — самая растленная администрация сменилась самой благотворной». Одни из этих панегиристов неожиданно выдает истинную подоплеку всех этих восторгов: «Август научил людей верить в самих себя, в свою миссию и в него... то же пытался сделать и Гитлер для немецкого народа»². Недаром и известный фашистский историк древности Тегер видит в Августе «творца» и «вождя», который призван был создать «новый, полный смысла порядок» и предотвратить «хаос и упадок», которые неизбежно

¹ Первый взгляд высказывает Франк, а также частично Хаскелл, считающий, что Гракхи боролись с «машинизацией сельского хозяйства, выражавшейся тогда в массовом применении рабов». Второй выражен у Heaton, указ. соч.

² Rand, The building of eternal Rome, 1943; White and Kennedy, Roman history, life and literature, 1942; Grose-Hodge, Roman Panorama, 1944; Cochrane, Christianity and classical culture, 1944.

наступают в каждом обществе, так как «смешение рас» ведет к «злоупотреблению свободой»¹. Поразительно сходство идей между защитниками «американской демократии» и нацистским историком.

Интерес к Августу повысил и внимание к его певцу Вергилию. Почти в каждом журнале появляются посвященные ему статьи, переиздаются комментарии Сервия. Разбираются и проблемы идеологии² Вергилия, а именно, был ли он пацифистом или милитаристом и как бы он смотрел на мир, если бы жил в наше время³. Оказывается, что он был пацифистом и если при Августе проповедывал *пax Romana*, то теперь выдвинул бы лозунг *пax humana* — мир, основанный на доверии к людям. Один из авторов подробно разбирает известные строки из «Энеиды» о задаче римлян (VI, 847—855) и доказывает, что их надо понимать не в том смысле, что римляне должны были «предписывать законы миру», а в том, что они должны были «привить привычку к миру» народам, привыкшим к войне. Та же задача, по мнению этого историка, стоит теперь перед Америкой — привить людям привычку к миру и оберегать его, пока он не научится стоять на собственных ногах, — если это будет и не *пax aeterna*, то во всяком случае, *пax Augusta*. Так Вергилий неожиданно оказывается провозвестником плана Маршалла и американской опеки над «привыкшими к войне» народами Европы.

Вообще, привыкнув романизировать США и американизировать Рим, американские историки нередко приписывают римскому государству в целом и отдельным государственным деятелям те черты, которые они хотели бы видеть, в своем отечестве и в правительстве. Так, вошло в моду утверждение, что если Рим постоянно воевал и подчинял себе другие народы, то он делал это для охраны святости международных договоров или в силу стремления к захвату тех или иных стран, «которое было столь же национальным и непреодолимым, как стремление немцев на восток или аме-риканцев к Тихому океану»⁴. О том, как римляне вели себя в этих странах, скромно умалчивается. Напротив, всячески превозносятся блага «римской цивилизации», особенно для времени империи⁴. Римляне-де никому ничего не навязывали, всюду охраняли самоуправление и всяческие свободы. Если романизация распространялась, то потому только, что была привлекательна для примитивных жителей провинций. Конечно, они платили налоги, но это было не слишком высокой ценой за «*пax Romana*».

Вообще всем жилось прекрасно, к рабам относились хорошо, так как среди них было мало негров и не возникало проблемы «цветного населения» (вот поистине удивительный пример неспособности отрешиться от психологии современного «расово-политического» американца!). Общество, конечно, было иерархично, но грани между различными слоями не были непроходимыми: раб мог стать отпущенником, отпущенник — личным слугой, всадник — сенатором, сенатор — императором, император — богом. Возмездием, возмездием — сенатором, сенатор — императором, император — богом. Возможность, очевидно, столь же реальная, как возможность для каждого американского рабочего стать миллиардером или президентом США!

В связи с этими более или менее сознательными отождествлениями римского и американского «образа жизни», а также вследствие общего пренебрежения к исторической роли низших классов, американские историки уделяют народным движениям времен Римской империи еще меньше внимания, чем движениям при республике. Если при изложении истории последней восстание Спартака все-таки упоминается, хотя и без всякой связи с предыдущими и последующими событиями, то история империи представляется совершенно лишенной каких-нибудь признаков классовой борьбы. Никто не говорит не только о менее известных восстаниях, как, например, движение буколов при Антонине или волнения при Коммодe в Галлии, но даже и о багаудах.

Напротив, императорам уделяется исключительно большое внимание, причем те или иные авторы выбирают себе иногда совершенно неожиданных героев из их

¹ T a e g e r, *Das Altertum*, Stuttgart, 1939.

² Статьи в «*Classical Journal*»: U l l m a n n, *We want a Virgilian Peace*, 1945, № 1, стр. 1—3; D u c k w o r t h, *Vergil and the war*, 1945, № 3, стр. 145—151.

³ M a r s h, указ. соч.; S c r a m u z z a, *The emperor Claudius*, 1940.

⁴ См. особенно S a l m o n, указ. соч.

числа. Один с усердием, достойным лучшего применения, пытается доказать, что Тиберий обладал целым рядом «императорских добродетелей»: щедростью, предусмотрительностью, милосердием и умеренностью¹. Другой (Scamuzza) посвящает целую книгу реабилитации императора Клавдия. По его мнению, это был несправедливо оклеветанный замечательный правитель, ограничивавший беспокойных жителей Востока, поощрявший богатых уроженцев Запада, защищавший интересы своего класса, поддерживавший земледелие, торговлю, промышленность и искусство. В заключение автор открывает читателям истинную причину своих симпатий к Клавдию, характеризуя его как «прекрасный тип современного английского тори, консерватора по своим симпатиям, но либерала, когда этого требовали обстоятельства».

Представив раннюю империю как образец всеобщего счастья, внешнего и внутреннего мира и процветания, американские историки ставят вопрос, почему же она все-таки кончила всеобщим кризисом и возникновением домината.

Для их взглядов по этому вопросу особенно характерны книги Хаскелла и Франка. Первый, по специальности журналист, обратился, по его словам, к римской истории, основательно ознакомившись с современными экономическими проблемами и политической жизнью, официальной и закулисной. Хаскелл пишет, что он не собирается ни хвалить, ни критиковать «новый курс», а лишь предпринимает «объективный обзор попыток правительственного вмешательства в жизнь страны в античном мире». Многие из этих попыток, по его мнению, были чрезвычайно похожи на эксперименты последних лет в США, и потому он считает необходимым «призвать внимание современников к предостерегающим сигналам прошлого».

Выше мы уже говорили о его взглядах на причины падения республики. Более подробно он развивает их для периода империи.

По его мнению, гибель империи была вызвана тем, что правительство продолжало идти по тому же пути, по которому шло во время республики, — ограничению частной инициативы, регулированию экономической жизни. Любопытно, что эти мероприятия он обозначает терминами, заимствованными из современной американской действительности: указ Домициана о сокращении виноградников — как Agricultural Adjustment Administration (AAA), алиментарные и ссудные учреждения Нервы и Траяна — как Farm Credit Administration (FCA) и т. д. Он считает, что это все растущее вмешательство государства, хотя и смягчало кризисы, все-таки оказало пагубное влияние. Стеснение частной инициативы привело к застою, к росту бюрократии и армии, к росту налогов, разоривших «средние классы», которые могли бы воспрепятствовать анархии. Богатые не хотели делиться своим имуществом, бедные были недовольны. В результате возник кризис III в., который он называет «диктатурой пролетарских вождей». Этот кризис окончился установлением «тоталитарного государства», ускорившего разложение и гибель «римской цивилизации».

На иные позиции становится Франк. Как и в падении республики, так и в падении империи он главную вину возлагает все на тех же «пришельцев с Востока», на «ориентализацию» империи.

Вообще представление об «ориентализации империи» стало общим местом, вошло в общие работы, монографии и учебники по истории Рима. Во многом оно основывается на поверхностной интерпретации эпиграфических и литературных источников, на недостаточном различении официальной политики некоторых императоров и истинного положения вещей. Фашистские историки и их предшественники использовали это общее место для проповеди своего расистского мракобесия; по тому же пути идет и Франк.

Попытки Августа «возродить республику» и создать «целесообразное государство», пишет он, не удалось потому, что настоящие римляне сменились смешанным восточным населением. Отравленные примесью восточной крови, римляне и греки утратили способность к творчеству. «Западное» отношение к религии, ставившее разум выше веры, землю выше неба, сменилось восточным мистицизмом. Он уверен, что все по-

¹ Rogers, Studies in the reign of Tiberius, 1944.

клонники восточных богов имели более или менее близких азиатских предков, так как «западный человек» не стал бы поклоняться Митре или Изиде. Очевидно, он «забывает», что величайшим борцом со всякими и восточными и западными суевериями, «Вольтером античности», был во время империи сиронец Лукиан, а дикие обряды тавроболий более всего привились в городах Галлии. Расхвалив династию Антонинов и поскорбев вместе с Дионом Кассием о вступлении на престол недостойного Коммода, Франк обрушивает весь свой гнев на «сиро-пунийскую» династию Северов. Именно представитель восточных рас Каракалла унизил окончательно истинных римлян, даровав всем жителям империи римское гражданство. После этого началась «анархия», которую Франк, так же как и Хаскелл, в согласии с Ростовцевым, сравнивает с пролетарской революцией. «Анархия» кончается «самым полным государственным социализмом» Диоклетиана. Здесь Франк пускается в рассуждения, которые, кажется, не пригодились в голову даже немецким нацистам: хотя по всем источникам, пишет он, Диоклетиан был родом из Далмации, но, по всей видимости, отцом его был какой-нибудь приехавший с востока раб, так как только «азиат» мог создать такое «чуждое всем римским традициям деспотическое государство» и наименовать себя «богом» и «господином». Опять-таки Франк «забывает», что такие же наименования присваивали себе «потомки Энея» Калигула, внук италийского ростовщика Домициан и иллирийские императоры III в., во многом предвосхитившие государственные мероприятия Диоклетиана. В заключение автор делает обращение к источникам характерно для амери-

Вообще чрезвычайно «вольное» обращение с источниками характерно для американских историков, желающих во что бы то ни стало извлекать из римской истории только то, что может служить для доказательства их собственных идей. Как правило, используются только литературные источники, без всякой критики, в добросовестном переложении всех походов, безумств, добродетелей и любовных походов римских императоров и государственных деятелей. Без всякой попытки определить свое мнение о дате и месте их происхождения используются евангелия, Деяния и Послания апостолов. Один из авторов говорит, что они являются почти единственным (!) источником для суждения о положении провинций в I в. (Grose-Hodge). Франк подробно излагает процесс Иисуса Христа для иллюстрации римского судопроизводства. Эпиграфические источники почти не используются. Многократно пересказываются различные анекдоты о жестокости и распутстве Домициана, и нигде не упомянуты такие важные для его правления надписи, как эдикт о привилегиях ветеранам и об установлении максимальных цен на хлеб в Антиохии в Писидии. В результате даже те авторы, которые в своих общих работах по истории Рима пытаются охарактеризовать римские провинции, дают только их моментальный снимок, а не процесс их развития, наступления в них кризиса, начала народных движений и восстаний.

Нет также никаких попыток хоть сколько-нибудь увязать политическую, социальную и культурную историю. В лучшем случае, в общих работах история литературы, философии, науки, религии, искусства просто выделяется в отдельные главы, ничем не связанные с остальным повествованием. Совершенно изолированно рассматривается раннее христианство. Франк, например, его вовсе не упоминает. Очевидно, он не может одобрить эту форму «восточной заразы», но сказать об этом прямо не решается. Авторы работ, посвященные специально римской культуре. Авторы

Правда, существуют работы, посвященные специально римскому идеализму, и их вдохновляются упоминавшимися нами вначале идеями «облагораживающего» и «антинигилистического» влияния изучения классических языков и авторов. (Rand и Cochrane). Они удивительнейшим образом ставят все отношения на-голову, считая социальную и политическую историю лишь результатом изменений, происходивших в идеях отдельных крупных мыслителей и их современников. «Я буду писать об идеях, — говорит Ранд, — так как прочность и основа прогресса или регресса только в них, а не в мире вещей и событий. Прогресс наступает с рождением таких мыслителей, как Платон, способных показать миру новые идеалы. Со времени появления учения Христа в мире никакого прогресса не наблюдается. Лозунги, подобные «демократии» и «бесклассовому обществу», не дадут никогда ни мира, ни счастья; единственный возможный прогресс — это самоусовершенствование индивида». Исходя из этой «концепции», автор строит свою историю «вечного Рима», идеального государства, которое

возникло в умах Полибия, Цицерона и Вергилия, воплотилось в принцепате Августа, затем перешло к Августину, потом в Константинополь, Москву и Петербург и, погибнув тут в октябре 1917 г., продолжает жить в умах и чаяниях служителей и последователей римско-католической церкви. Погибло это идеальное римское государство из-за нарушения согласия между аристократией и народом. Трагическим эпизодом в этом смысле была смерть ученика Полибия — Сципиона. Зато впоследствии Цицерон и Вергилий внушили Августу истинные понятия о задачах правителя.

Приблизительно на таких же основах построен обширный труд Кочрена. Опять-таки за основу берется некая отвлеченная идея «классического государства», построенного на общем благе и справедливости, выраженная у Аристотеля и воплотившаяся впервые в Спарте и, частично, в других греческих полисах. С их упадком надежды на создание идеального государства были возложены на Александра Македонского, а после постигшей его в этом смысле неудачи перенесены на Рим. Здесь эта идея развивалась Полибием, Цицероном, Ливием и Вергилием и была осуществлена Августом, соединившим все лучшее, что содержат монархия и республика. Распад «классической римской идеи» начинается с конца II в., под влиянием вторжения восточных идей. Наступает кризис античности, вызванный «ее неспособностью понять самое себя, что отразилось в страхе перед неизвестным, верой в судьбу, в солиарном детерминизме». На этой основе появляются гностические системы, бывшие самоубийством классического разума. Последнюю попытку возродить классическое государство сделал Диоклетиан, но она не удалась. Новые надежды на идеальное общество возникают в связи с принятием императорами христианства, давшего им новый, божественный авторитет. Константин считал своей задачей осуществление этих надежд. Последующие императоры рассматриваются с точки зрения их колебаний между идеями римского государства — *Romanitas* и христианскими идеями. Падение Рима было падением системы идей, обозначаемых как классицизм. Императоры пытались обновить их на основе христианства, но потерпели неудачу. Новую концепцию идеального государства дает Августин. Главная его заслуга — в примирении личности и общества и в том, что он дал человечеству и человеку цель — создать это идеальное общество путем личного самоусовершенствования, познания истины, красоты и добра. Автор всецело присоединяется к этому учению и призывает современников следовать ему.

В связи с задачами и целями, которые ставят себе американские античники, стоит и особый стиль, которым сплошь да рядом пишутся американские исторические книги. Очевидно, в расчете на более широкий сбыт авторы не гнушаются писать свои «научные» труды в духе самой дешевой бульварщины. Например, одна книга о Цезаре начинается с того, что Помпея (жена Цезаря) была непонятая женщина. Ее угнетала слишком строгая свекровь, и ею пренебрегал муж, который шокировал высшее общество тем, что ударился в социализм и, несмотря на свое хорошее происхождение, стал «боссом» радикалов. Как раз в это время на горизонте появился Клодий, «молодой человек со стройными икрами» и романтической репутацией авантюриста. Далее излагается их роман, последовавший скандал и т. п.¹

Таким же стилем пишет и Хаскелл, желая показать сходство римских нравов с современными и предаваясь размышлениям о том, как вели бы себя Цицерон и Цезарь в современном парламенте или в гостинице какой-нибудь «львицы» из высшего общества.

Любопытно, какие иногда весьма нелестные для его современников сравнения и признания выходят из-под пера этого знатока американской политики. Так, например, говоря о Катилине, Хаскелл пишет, что нельзя теперь установить, что было клеветой и что правдой во взводимых на него обвинениях. О нем Саллюстий и Цицерон писали то же, что теперь обычно пишут о рабочих лидерах. О нем Саллюстий и Цицерон писали то же, что теперь обычно пишут о рабочих лидерах. Так же, как во время суда над Сакко и Ванцетти, напугавший общество радикализм сделал невозможным объективность и справедливость. Катилина был разбит соединенными усилиями сената и капи-

тала — блок, обычный в США. Хаскелл сомневается в том, что Цезарь был эпилептиком. Ведь достаточно известно, говорит он, что, если президент Соединенных Штатов оказывается энергичным человеком, центром активной деятельности и борьбы, о нем непременно распускают слухи, что он — человек психически неполноценный и неуравновешенный. Никого не удивит, пишет он в другом месте, что Лициний был оштрафован за нарушение своего собственного закона, ведь «мы достаточно привыкли к нашим пьяницам-политикам, голосовавшим за сухой закон».

Ранд, несмотря на претензию на научность своей книги, разрешает себе включать в текст нелепейшие «вставные номера». Так, например, разбирая сочинения Полибия, Цицерона, Ливия, Вергилия и других авторов с точки зрения их вклада в идею «идеального государства», он вдруг пишет, что это «идеальное государство» одинаково понималось Ливием, Маккиавелли и ...Гитлером, который будто бы пытался учиться у истории, мечтая о «социальной справедливости», но, к сожалению, ложно понял ее уроки. В заключение тот же автор выводит на сцену Полибия, Ливия, Цицерона, Августина и Данте и заставляет их высказываться о современном международном положении. Эти «великие мужи» начинают говорить в духе компании мелких рантье, собравшихся вечером в кафе поболтать о политике. Поругивают Германию и Японию за ведение войны без предварительного объявления, хвалят Муссолини, который будто бы происходит от Деция Муса, за любовь к бывшей славе Рима, осуждают богачей за роскошь и т. д.

Где же идеологические корни всех этих американских «трудов» по римской истории?

Мы видели, что историки культуры являются прямыми проповедниками реакционного католицизма. Недаром один из упоминавшихся выше защитников классического образования пишет, что если и наступят снова «темные века», то католическая церковь «снова пронесет через них факел цивилизации».

Достаточно ясно, откуда заимствуют свои идеи и другие авторы. Несмотря на все свои модернизаторские попытки, они во многом отошли уже от старого циклизма конца XIX и начала XX вв. Для них главное уже не экономика, а расовый вопрос, и вот что пишет по этому поводу немецкий фашист Тегер: «мы [т. е. нацисты] теперь отводим по этому поводу немецким факторам низшее место в ранге движущих сил истории. социальным и экономическим факторам низшее место в ранге движущих сил истории. На первом месте стоит борьба рас». Во многом идеологию немецкого фашизма предвосхитил Шпенглер. В своем знаменитом «Закате Европы» он писал о «людях, связанных с землей», крестьянах и провинциальных дворянах, которых он не различает, как о «носителях расы» и культуры. С появлением больших городов, буржуазии и интеллигенции раса обедняется, культура умирает и наступает бесплодная стадия «цивилизации», связанная с творческим бесплодием, господством «идей социализма» и постепенным превращением народа в «неисторический материал», «народ феллахов». Шпенглер, как известно, считал, что это неизбежная судьба современной Западной Европы и Америки. Он же утверждал, что Рим очень долго не был империалистичен, а захватывал лишь те страны и народы, которые, так сказать, лишь сами «просились в руки», т. е., переставая быть «историческим материалом», став «внеисторическим, аморфным материалом», жив уже свою «историческую судьбу» и став «внеисторическим, аморфным материалом», неизбежно должны были подпасть под власть какого-нибудь захватчика.

Эти аналогии и идеи основания американской политики, для того, чтобы искать агрессора всюду, только не у себя дома.

Из того же арсенала заимствовали они и идею о том, что Рим только опекал потерпевшие «самостоятельное бытие народы», и, очевидно, интерпретировали ее в смысле обязанности США «приучить к миру народы, привыкшие к войне». У тех же учителей единомышленников заимствовали они и восторг перед Августом, «вождем», «сверхчеловеком», «усмирителем черни», прикрыв свои чувства неубедительными рассуждениями о «демократизме» и «республиканизме» своего героя.

Любопытно, что даже стиль американских исторических работ, о котором мы говорили выше, находит аналогии в писаниях немецких нацистских авторов. Интересным

примером может служить вышедший в Германии в 1943 г. вторым изданием полуроман-полуисследование об Августе¹, где Октавиан и Агриппа представлены разудалыми молодчиками, организующими «марш на Рим», а Аттия приветствует своего сына-победителя словами: «Кай Юлий Цезарь Октавиан, ты порядочный мошенник».

Так мы видим, что сравнительно молодая американская «наука» о древнем Риме идет по следам своих бесславно кончивших немецко-фашистских собратьев.

Е. М. Штаерман

¹ Birkenfeld, Caesar Augustus, 1943.